

Затравленный официозной критикой Заболоцкий дорожкой писателем авторитетнейшего ценителя поэзии Корнея Ивановича Чуковского: «Пишу Вам с той почтительной робостью, с какой писал бы Тютчеву или Державину. Для меня нет никакого сомнения, что автор «Журавлей», «Лебедя», «Уступи мне, скворец, уголок», «Неудачника», «Актрисы», «Утра», «Человеческих лиц», «Лесного озера», «Слепого», «В кино», «Ходоков», «Некрасивой девочки» — подлинно великий поэт, творчеством которого рано или поздно советской культуре (может быть, даже против воли) придется гордиться как одним из высочайших своих достижений» (5 июня 1957 г.).

Увы, за прошедшие с тех пор годы в России не поставлен ни один памятник Николаю Заболоцкому, не открыт его музей, пятитомное собрание сочинений никак не может увидеть свет, а 100-летний юбилей поэта прошел почти не замеченным.

Мы встретились с его сыном и автором фундаментального труда «Жизнь Н.А. Заболоцкого» — Никитой Николаевичем ЗАБОЛОЦКИМ.

— Никита Николаевич, ваш отец родился в провинции. Как он считал — это обстоятельство пошло ему на пользу или, может быть, помешало сразу занять свое место в литературе?

— Николай Заболоцкий никогда не жалел, что его детство и юность прошли не в мегаполисе, а в уездном городке Уржуме в Вятской губернии — родине наших предков. Кстати, до революции в Уржумском реальном училище, где семь лет отучился отец, можно было получить хорошее среднее образование: математика, химия, физика, два иностранных языка... Аудитории были оснащены по последнему слову техники. Огромную художественную студию спроектировали в форме амфитеатра, где у каждого школяра имелся свой мольберт, а вдоль стен тянулись галереи копий античных скульптур. Театральная студия регулярно выпускала новые спектакли. Ну а начавшему сочинять с семилетнего возраста Коле Заболоцкому больше всего оказались по душе занятия в литературном кружке.

Сейчас остается только удивляться высокому культурному уровню российского захолустья в начале XX века. Получив фундаментальные знания, поэт потом легко учился и в Московском университете, и в Ленинградском пединституте имени Герцена.

— Родители Заболоцкого были состоятельными людьми?

— Сельские интеллигенты: мать — учительница, отец — агроном. Они сумели привить мальчику любовь к вятской природе. Не случайно главный мотив, проходящий через 22 стихотворения первого сборника Николая Заболоцкого «Столбцы», — ущербность большого города, который подавляет естественное начало у только-только вступающего в жизнь человека. И лишь в соприкосновении с природой возможно воспитание подлинной души.

Однако, обосновавшись в Ленинграде, отец старался изжить в своей поэзии сентиментализм провинциальной юности, как изживал своеобразный вятский говорок. Почти все свои юношеские стихи — о реке, «березе в инее», облаках и им подобные — Заболоцкий уничтожил. Но уже после лагерных мытарств опять вернулся к стилистике юношеской поэзии. Надо было пережить такие страшные испытания, чтобы вернуться к истокам.

— Заболоцкий не имел связей с эмиграцией, как Замiatин или Булгаков, никогда не ездил в Европу, как Бабель, не читал матросам стихов, посвященных свергнутому монарху, как Гумилев. Он не называл Сталина палачом, а его подручных — «сворой тонкошеих вождей», как Мандельштам. Не оплакивал гибель старого мира, как Клюев. Так за что же тихий автор двух тоненьких сборничков — «Столбцы» и «Вторая книга» — да поэмы «Торжество земледелия» попал в гулаговскую мясорубку?

— Диссидентом он действительно не был, всегда держался подальше от политики, но именно это для писателя в те времена стало равноценно преступлению. Отвергая принципы соцреализма, Заболоцкий в середине 20-х вместе с Даниилом Хармсом, Александром Введенским, Константином Вагиным основал литературную группу ОБЭРИУ — Объединение реального искусства. Позже к ним примкнули Николай Олейников, Евгений Шварц, Казимир Малевич, Павел Филонов... Обзурив культуристов, готески, алогизм, поэтику

Никита ЗАБОЛОЦКИЙ: ...И ЖИВ ОГОНЬ, МЕРЦАЮЩИЙ В СОСУДЕ!

Автопортрет Николая Заболоцкого. Карандаш. 1925 год.

60 лет назад после долгого заключения в Москву приехал поэт Николай Заболоцкий. В 1946 году писатели Фадеев и Тихонов добились для него московской прописки и восстановления в Союзе писателей, без чего в те годы заниматься литературным трудом было невозможно. Начался последний, самый плодотворный период творчества знаменитого поэта.

Николай Заболоцкий с женой и сыном. 1935 год.

абсурда, предвосхитив европейскую литературу абсурда.

Николай Заболоцкий называл себя «поэтом голых конкретных фигур, придвинутых вплотную к глазам зрителя». Его натурфилософские идеи наиболее полно выразились в программном стихотворении «Я не ищу гармонии в природе». Пресловутая классовая борьба воспринималась поэтом как проявление несовершенства природы. Вот характерные строки об этом: «Жук ест траву. / Жука склевала птица. / Хорек пил мозг из птичьей головы. / И страшно перекошенные лица / Ночных существ смотрели из травы». В то же время он одухотворял природу и видел в ней нравственные начала, которые с помощью человека двигают ее в сторону гармонии.

— Неужели по 58-й статье сажали даже за стихи о природе?

— Согласно официальной версии, Николай Заболоцкого арестовали в 1938 году по делу некоей контрреволюционной писательской организации, главой которой предполагалось сделать бывшего «белого» офицера поэта Николая Тихонова. В списке членов несуществующей группы попала половина обзуритов, Борис Корнилов, под подозрением были Самуил Маршак, Константин Федин... Против Заболоцкого дали показания литераторы Бенедикт Лившиц и Елена Тагер, которых сломали пытками. Эти документы в наше время опубликованы.

В очерке «История моего заключения», написанном уже в хрущевскую оттепель, отец вспоминает: «Наконец меня вытолкнули в другую комнату. Оглушенный ударом сзади, я упал, стал подниматься, но последовал второй удар — в лицо. Я потерял сознание. Очнувшись, я, захлебываясь от воды, которую кто-то лил

на меня. Меня подняли за руки и, мне показалось, начали срывать с меня одежду. Я снова потерял сознание. Едва я пришел в себя, как какие-то неизвестные парни поволокли меня по каменным коридорам тюрьмы, избивая меня и издеваясь над моей беззащитностью». В ходе «конвейерного» допроса, проводившегося четверо суток целой бригадой следователей, сознание Заболоцкого плетилось: ему являлись галлюцинации, он отчитывал палачей как своих подчиненных, разъярял им значения загадочных рисунков на паркете, но ни одной бумажки так и не подписал. Слава богу, после двухнедельного лечения в тюремной «психушке» рассудок к поэту вернулся.

— А разве чекисты не могли просто так арестовать Тихонова?

— Этим же вопросом задается и Вениамин Каверин в своей книге «Эпилог». Он вспоминает об одном торжественном заседании в Большом театре, где присутствовал Сталин. Основной докладчик Николай Тихонов так ловко соединил гениальность Пушкина с гениальностью Сталина, что генсеку доклад очень понравился. Очевидно, это Тихонова и спасло. Арестовать любимчика Сталина без веских на то оснований было невозможно. Стойкость Заболоцкого и некоторых других литераторов не дала возможность НКВД такие основания заполучить.

Кстати, подписавшего все бумаги Лившица расстреляли. Тагер сидела до середины 50-х, но потом от всех своих показаний отказалась. Николаю Заболоцкому дали по минимуму — 5 лет лагерей. Правда, отсидел он шесть с половиной и потом еще два года работал в ссылке.

— Отец вам рассказывал о лагерной жизни?

— В проходивших жесткую цензуру

письмах это было невозможно. Но и после отличался немногословием, стараясь все забыть как страшный сон. Однако мне известно, что он едва не погиб во время двухмесячного этапа из Ленинграда на Дальний Восток. Однажды в теплушке на него набросился с поленом в руке один уголовник. Когда, казалось, полено вот-вот обрушится на голову Заболоцкому и разможит ее, вмешались другие уголовники и оттащили своего «другана» от поэта.

В Востлаге под Комсомольском-на-Амуре Николай Алексеевич работал на лесоповале и в каменоломнях. Тогда там строился «довоенный БАМ». Климат суровый. На общих работах интеллигенты редко выживали. Заболоцкий, человек крепкого телосложения, все равно вскоре почувствовал, что начинает сдавать и вот-вот попадет в роковой разряд доходяг. Спас случай — на строительстве нефтепровода организовывалось проектное бюро, куда набирали инженеров и чертежников из числа заключенных. Вот тут и пригодились знания, полученные поэтом в Уржумском реальном училище. Правда, сразу же показать свое чертёжное умение отец не смог — руки от тяжелой работы так распухли, что он не мог удержать ни карандаша, ни линейки.

Потом Заболоцкого переслали в Алтайлаг, где он работал на содовых озерах: стоял по колено в воде и ковшом черпал содовую жижу. Средства защиты отсутствовали. Надышавшись углекислого натрия, отец вскоре слег в лазарет с декомпенсацией сердца. Из-за этого заболевания уже на воле он пережил два инфаркта и умер в 55

лет, так и не дождавшись постановления о полной своей реабилитации.

— Он не говорил, кому легче в тюрьме — поэту или прозаику?

— Отец считал, что тяжело всем. В письмах сетовал, что его лучшие годы проходят бесцельно, душа «незаслуженно и ужасно ужалена», а драгоценные навыки стихотворца утрачиваются. Сочинять ему строгайше запрещалось. Вот характерный эпизод. На одно из построений вышел собственной персоной начальник лагеря — большой интеллигент, о котором говорили: «Другие просто палачи, а наш — культурный палач». И вот он спрашивает надсмотрщиков: «Как там наш поэт Заболоцкий — стихи пишет?» Ему рапортуют: «Зэка Заболоцкий по работе и в быту замечаний не имеет. Говорит, что стихов больше писать не будет». Начальник удовлетворенно крикнул: «Ну, то-то же!»

— Поэт не разочаровался в жизни?

— Нет. Вот отрывок его письма из заключения: «Время моего душевного отчаяния давно ушло, и я понял в жизни многое такое, о чем не думал прежде. Я стал спокойнее, нет во мне никакой злобы, и я люблю эту жизнь со всеми ее радостями и великими страданиями...»

Когда в 1944 году в Алтайском крае Заболоцкий вышел на поселение, то семье — маме, мне и моей младшей сестренке Наталье — разрешили к нему приехать. Кстати, я совсем не чувствовал себя «сыном врага народа». Наверное, оттого, что никто вокруг не верил в виновность отца, и многие старались нам помочь. Перед войной некоторые известные деятели культуры вступились за поэта, но из этого ничего не вышло. После окончания всех лагерных мытарств неснятая судимость, информация о которой зашифровывалась в серии паспорта, еще долго портила кровь Николаю Алексеевичу. А в разрешении о прописке заместитель Берия генерал-лейтенант Огольцов поставил свою визу: «Взять под агентурное наблюдение!»

— Николай Алексеевич тосковал по Ленинграду?

— Конечно. Но скрывал это от посторожников. И в Ленинград он съездил только один раз, в 1956 году. Видимо, ему оказалось тяжело там бывать. О гибели некоторых обзуритов отец услышал еще в лагере, но только на воле узнал, что Хармс умер от дизентерии во время этапа, Введенский погиб при аресте, Олейникова убили в лагере... Памяти товарищей литературной молодости Заболоцкий написал «в стол» пронзительное «Прощания с друзьями»:

*Теперь вам братья — корни, муравьи,
Травинки, вздохи, столбики из пыли.
Теперь вам сестры — цветики гвоздик,
Соски сирени, щепочки, цыплята...
И уж не в силах вспомнить ваш язык
Там, наверху, оставленного брата.
Ему еще не место в тех краях,
Где вы исчезли, лёгкие, как тени,
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений.*

— Довоенные слова Заболоцкого: «Смотри на мир, работай в нем и радуйся, что ты — человек!» — не утратили для него смысл?

— Нет. Он по-прежнему много трудился. Но только своими стихами прожить не мог. Повышенная требовательность к себе сказалась на объеме его поэтического наследия — 240 стихотворений и четыре поэмы. Это не много. Средства за существованию давали переводы: поэзия Шота Руставели, переложение книги Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» и романа-эпопеи Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле». Известный ученый Д.С. Лихачев писал Заболоцкому, что его перевод «Слова о полку Игореве» «своей поэтической силой, несомненно, лучший из существующих».

«Не позволяй душе лениться! / Чтоб в ступе воду не толочь, / Душа обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь!» — эти строки-правила своей жизни отец зарифмовал, уже будучи смертельно больным человеком. А в эссе «Почему я не пессимист» Николай Заболоцкий так сказал об источнике своей жизненной силы: «Множество человеческих лиц, каждое из которых — живое зеркало внутренней жизни, тончайший инструмент души, полной тайн, — что может быть привлекательней постоянного общения с ними, наблюдения, дружеского сообщения?»

**Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ**